

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.3

УДК 316.624 | ББК 60.524.258

© Ростовская Т.К., Безвербная Н.А.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

ТАМАРА КЕРИМОВНА РОСТОВСКАЯ

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); ResearcherID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018)

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА БЕЗВЕРБНАЯ

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: bezvad@mail.ru

ORCID: [0000-0001-6617-8723](https://orcid.org/0000-0001-6617-8723); ResearcherID: [AAT-5201-2020](https://orcid.org/AAT-5201-2020)

В криминологической, уголовно-правовой, а также социологической науках проблема преступности, в том числе насильственной, изучена достаточно полно. Несмотря на это, преступления, совершаемые женщинами, в качестве самостоятельного феномена приобретают особую актуальность и, как следствие, вызывают научный интерес. Цель работы – исследовать актуальные вопросы женской преступности в России посредством интерпретации статистических данных. Общемировая тенденция, в том числе и для России, – «великое снижение преступности», однако для женской преступности характерны и резкий спад, и резкий подъем. Так, в период 2003–2004 гг., а также с 2008 по 2011 год наблюдалось снижение женской преступности, но с 2011 по 2015 год отмечено увеличение абсолютного числа и удельного веса женщин в общем числе преступников. Если тенденцию первого десятилетия XXI века можно объяснить «искусственным» снижением показателей, что стало следствием внесения изменений в УК РФ (Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»), то тенденции увеличения удельного веса женщин в общем числе преступников после 2011 года следует интерпретировать в контексте социально-экономических изменений в обществе. Для женской преступности характерна повышенная латентность. Однако, по нашему мнению, подобные преступления возможно предотвратить, например, ока-

зывая женщине помощь в трудоустройстве, помещению ребенка в дошкольные образовательные учреждения, психологическую помощь, помощь ранее осужденным лицам в ресоциализации.

Социологическое изучение преступности, преступления, совершаемые лицами женского пола, структура «женской» преступности, тяжкие и особо тяжкие преступления, деструктивные последствия.

Введение

Женская преступность – отдельная категория преступлений по половой принадлежности личностей, совершающих преступление, имеющая свои специфические особенности, которые необходимо выявить. Преступления, совершаемые женщинами, обращают на себя больше внимания, т. к. женщина ассоциируется в обществе с такими концептами, как семья, материнство, продолжение рода.

Женскую преступность в первую очередь необходимо рассматривать в контексте исследования феномена преступности как научной проблемы. В связи с этим следует учитывать комплекс теоретико-методологических подходов: антропологический (Ч. Ломброзо), статистический (А. Кетле), социологический (О. Конт, К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон), психологический (З. Фрейд, К. Хорни, А. Адлер, Г. Салливан, Э. Фромм).

Литературный обзор

Антропологический подход. Описывая биологические и физиологические признаки, характеризующие преступника (общий тип лица, форма челюсти, длина туловища), Ч. Ломброзо в работе «Преступный человек» накладывает определенные ограничения в понимании преступности.

Его ученик Э. Ферри предложил исследовать общество не только в рамках антропологического подхода, а учитывать физическую и социальную стороны явления, такие как плотность населения, экономика, политика, нравы и пр. Он пришел к выводу, что преступными «являются те деяния, которые, вызванные побуждениями, нарушают жизненные условия и противоречат морали, существующей в данном народе в данный исторический момент» [2, с. 134]. Заслуга Э. Ферри состоит в том, что он сформулировал закон «преступной насыщенности»,

опираясь на существовавшую в тот период времени зависимость между численностью населения в определенном месте и числом преступлений. Преступления нельзя полностью устранить, но есть вероятность смягчить и задержать их распространение.

Г. Тард, противник антропологического подхода, заявлял, что наличие каких-либо анатомических или психологических особенностей не должно обрекать человека на преступления [3, с. 153]. Тем не менее общество – есть подражание, а значит, преступникам будут подражать, преступность будет распространяться. Отсюда вытекает убежденность ученого в том, что преступность, как социально-историческое явление, связана и с социальными условиями, и с социальной организацией народа: изменение уровня благосостояния и образованности ведет не к снижению преступности, а к появлению ее новых форм.

Статистический подход, разработанный А. Кетле с опорой на математические расчеты и формулы, показал закономерности преступности и других общественных явлений. Так, «склонность к преступлениям возрастает быстро, по мере достижения зрелого возраста, и затем, достигнув своего максимума, она уменьшается до конца жизни» [4, с. 70]. Примечательно то, что Кетле особую роль в борьбе с преступностью отводил общественному мнению.

Между тем классический **социологический подход** к осознанию проблемы противоправного поведения и взрослых, и несовершеннолетних выражен в таких теоретических принципах познания, как позитивизм (О. Конт), материалистическая диалектика, социологизм, «понимающая социология». О. Конт отмечал, что правовой порядок невозможен без опоры на естественный социальный порядок, а юридические законы призваны помочь в обеспечении

порядка и прогресса. Ученый представлял семью как связующее звено между личностью и обществом. Посредством семьи личность начинает взаимодействовать с остальными социальными институтами.

Его последователь Дж. Милль выделял три фактора обеспечения правопорядка: система воспитания, чувство верности (лояльности), принцип связи всех членов общины или государства [5].

К. Маркс и Ф. Энгельс в изучении общественно-исторической практики также затронули проблемы борьбы с преступностью [6]. Проведенный ими анализ преступности на макро- и микроуровне выявил существование таких причин, как социальное неравенство, безработица, эксплуатация рабочего класса, нищета, голод, низкий уровень образования трудящихся.

Примечательно и то, что ученые не оставили без внимания проблемы урбанизации, назначения наказания и пьянства. Их диалектико-материалистический метод дал возможность понять природу общественно-го, структуру общества и борьбу социальных групп.

В свою очередь Э. Дюркгейм определял преступность как поступки и действия членов общества, ущемляющие коллективное сознание, нарушающие запреты и тем самым вызывающие ответную реакцию – наказание [7, с. 42]. Функция наказания состоит в том, чтобы удовлетворить коллективное сознание и восстановить нарушенный порядок. Однако с развитием общества меняется содержание преступных деяний и наказаний. Э. Дюркгейм разработал следующие теоретико-методологические принципы: во-первых, социологизм, когда общество превосходит индивида; во-вторых, солидарность, при которой разделение труда способствует социальному прогрессу; в-третьих, теорию аномии, подготавливающей изменения в обществе. Входящие в понятие «аномии» дезорганизованность структур общества, отсутствие солидарности, отчуждение – главные в его понимании причины преступности.

Основатель «понимающей социологии» М. Вебер рассматривал индивидуальное действие как важный методологический принцип, отмечая, что социальным называется «только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [8, с. 475]. Понять социальное действие, по Веберу, означает выяснить его причины, понять мотивы и познать через наблюдение.

В целом социологический подход XIX века характеризуется большим объемом достигнутых результатов в области изучения социальных норм, отклонений от нормы, причин противоправного поведения и развития социологической трактовки понятия преступности.

С позиции *психологического подхода* отклоняющееся поведение индивида зависит от его способности адаптироваться в меняющемся мире. Так, например, З. Фрейд считал, что источник конфликтов личности и общества лежит в бессознательном [9]. То, что человек не может реализовать в силу каких-либо обстоятельств, подавляется им или замещается другим видом деятельности.

Как правильно отметила К. Хорни, дефицит теплого эмоционального общения с родителями, преимущественно с матерью, приводит к отклонениям в поведении [10]. Среда, если она агрессивна, вынуждает человека защищаться (испытывать страх, убегать, выпивать алкоголь). Подобные реакции на среду формируют, по ее мнению, неврозы: привязанности, власти, покорности. Чтобы помочь человеку, необходимо выявить те социальные связи и отношения, в которых человек испытывает наибольшие трудности.

Другой представитель психологического подхода, А. Адлер, видел причины отклонений в том, что индивид не способен на установление адекватного ситуации контакта с окружающими [11]. Человек стремится компенсировать свои недостатки любым способом. То, как воспитывают ребенка, отразится на его будущих отношениях к людям. Либо он будет любить окружающих, либо нет.

Проблемы отчуждения и нравственности были подняты в трудах выдающегося психолога, социолога и философа Э. Фромма.

В своей концепции он обращал внимание на понятие отчуждения применительно к различным сферам человеческой жизнедеятельности, а также установление связи между отчуждением и гуманистическим понятием человеческой природы и душевного здоровья.

Подчеркивая, что на личность влияют социальные, политические, экономические, религиозные институты, при этом нельзя оставлять без внимания антропологический фактор, Э. Фромм, тем самым, стал сторонником многофакторного подхода к изучению общественных явлений.

К современным социологическим подходам изучения преступности относятся структурный функционализм, теория «социальной аномии», теория субкультур, теория социального контроля, теория ярлыков, теория первичной и вторичной девиации, теория социальной дезорганизации, теория социального обучения (или «оперантного» поведения).

Основные положения структурно-функционального подхода американского ученого Т. Парсонса сводятся к следующему: во-первых, чтобы человек не путался в предъявляемых ему требованиях, они должны оставаться непротиворечивыми, во-вторых, достижение успеха возможно только при согласовании своих действий с ценностями общества и опорой на одобряемые способы действий. Регулировать поведение будут язык, ценности, законы и нормы.

Идеи Э. Дюркгейма продолжил Р. Мертон, используя подходы к изучению общества, именуемые «социальной аномией» и теорией напряжения. Он утверждал, что причина преступности кроется в противоречии ценностей и возможностей их достижения по установленным правилам. Когда человек не может получить что-то по правилам, он их нарушает и получает свое любимым способом. Обозначенное Мертоном противоречие между культурой и обществом является, по существу, примером однофакторной модели в понимании преступности. Аномия же, по сути, возникла в связи с крушением системы моральных ценностей, распределением

преступности в социальной структуре, что подвигло ученого дать этому процессу второе определение – «теория социальной дезорганизации».

В целом можно говорить о том, что внутри своих теорий социологи Т. Парсонс и Р. Мертон разработали модели организационно-управленческих процессов [12].

В русской уголовно-правовой науке преступность была обусловлена общественными причинами (например, жилищные условия, бедность, социальное происхождение).

Первый социолог в юриспруденции М.В. Духовский поставил перед наукой новую задачу – находить причины и искоренять преступность [13]. О влиянии мотивации (этнической и правовой) на поведение человека рассуждал Л.И. Петражицкий [14]. Мораль и этика формируют в нас чувство долга, а право координирует наши действия. Уголовные меры ученый расценивал как примитивные приемы психологического воздействия на грубые черты человеческого характера. Только мораль способна затронуть душу человека.

Со своей стороны, Н.Д. Сергеевский утверждал, что преступность – нормальное явление [15]. Столкновение гражданских интересов и интересов частных лиц служит как прогрессу, так и самой преступности.

П.А. Сорокин провел классификацию шаблонов поведения людей в обществе и разработал теорию социальной мобильности [16]. Критерий преступности необходимо связывать, по его мнению, с социальным контекстом и перемещением индивидов по группам. Социальная роль санкций заключается в дрессировке подрастающего поколения, приучении его к следованию принятым в обществе конструктивным моделям поведения.

Виды преступлений взаимосвязаны между собой и задают новые качественные характеристики всей преступности. Это могут быть виды совершенных преступлений, субъекты противоправных деяний (взрослые, несовершеннолетние). Но в любом случае признаками преступления выступают общественная опасность, виновность,

противоправность и наказуемость, поэтому обычно преступность представляют как целое, а преступления (деяния, в которых проявляется преступность) – как часть целого.

Методика исследования и данные

Методологическую основу работы составляют общенаучные методы исследования – системно-структурный и статистический. Исследование базируется на данных официальной статистики о состоянии преступности в России (Главное управление правовой статистики и информационных технологий), данных портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ЕМИСС МВД России, а также официальной статистики Федеральной службы исполнения наказаний.

Тем самым при всем разнообразии подходов в изучении женской преступности основу исследования составляют количественные данные, поэтому оно непосредственно связано со статистическим подходом, разработанным А. Кетле, т. к. стабильность социальных условий не влияет на изменение социальных процессов, но, как только меняются условия, в социальной системе происходят положительные и отрицательные сдвиги.

Анализ результатов

В период с 2012 по 2015 год количество женщин, совершивших преступления, увеличилось с 154,4 до 172,2 тыс. чел., их доля

в процентах к общему числу лиц, совершивших преступления, возросла с 15,3 до 16,0%; с 2015 по 2017 год их число сократилось с 172,2 до 146,9 тыс. чел., доля в процентном соотношении уменьшилась с 16,0 до 15,2% (табл. 1). Предположим, что для женской преступности характерен как резкий спад, так и резкий подъем, детерминированные, как нам кажется, социальными факторами и условиями развития государства, т. к. причины, по которым женщины решаются на преступления, многофакторны. Однако в данном случае мы исходим из приоритета социальных факторов. Назвать очевидные причины, которыми обусловлен резкий подъем женской преступности в этот период в России, не представляется возможным.

Для периода с 2016 по 2020 год включительно характерно неуклонное снижение женской преступности: со 148 тыс. совершивших преступления в 2016 году до 125 тыс. в 2020 году (рис. 1), с учетом динамики -14% в 2016 и -4,5% в 2020 году соответственно. Но для преступлений в целом, а для женской преступности в частности характерна повышенная латентность. С другой стороны, удельный вес женской преступности в России стабилен. Отсутствие физической силы у женщин может удержать от совершения преступления, однако такие «особенности» приводят к выбору женщины в пользу вооруженного преступления. При этом уровень женской преступности всегда ниже уровня преступности мужчин приблизительно в 5–7 раз [16].

Таблица 1. Динамика количества выявленных лиц женского пола, совершивших преступления в 2013–2017 гг.

Лица, совершившие преступления	Год				
	2013	2014	2015	2016	2017
Всего, чел.	1012563	1006003	1075333	1015875	967103
Выявлено лиц женского пола, чел.	156268	158156	172178	148026	146916
Динамика, %	+1,2	+1,2	+8,9	-14,0	-0,7
Доля женщин в структуре выявленных лиц, совершивших преступления, %	15,4	15,7	16,0	14,6	15,2
Динамика, %	+0,7	+1,9	+1,9	-8,8	+4,1
Источник: данные портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/analytics					

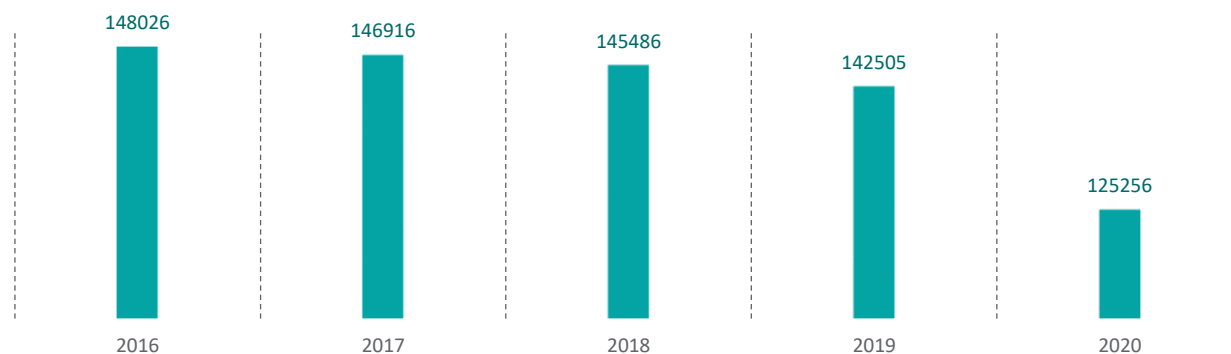

Рис. 1. Динамика количества выявленных лиц женского пола, совершивших преступления в 2016–2020 гг.

Источник: данные ЕМИСС МВД России. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36209>

Резкое снижение выявленных лиц женского пола, совершивших преступления в 2020 году, можно объяснить пандемией COVID-19 и принятыми мерами самоизоляции, а также изменениями в сфере услуг. Временное закрытие ресторанов, кафе, фитнес-центров, салонов красоты, непродовольственных магазинов позволило сдержать распространение коронавирусной инфекции, однако работодатели были вынуждены прекратить трудовые взаимоотношения с рядом сотрудников. Кроме того, меры социального дистанцирования привели к росту ксенофобских настроений и мигрантофобии, поэтому условия пандемии можно назвать «идеальными» для роста преступности. В то же время, как нам кажется, сыграли роль вынужденные меры самоизоляции, т. к. люди не рисковали обращаться в правоохранительные органы, боясь получить штраф за нарушение режима.

Тем самым не следует концептуально сводить исследование феномена женской преступности исключительно к гендерной специфике, но и отрицать ее невозможно: по ряду характеристик (физиологических, психологических) женщины значительно отличаются от мужчин, что влияет на характер, мотивацию, способ совершения преступления, его последствия. Кроме того, считаем ошибочной гипотезу отечественных исследований о том, что позитивные изменения на рынке

труда, а также равенство социальных ролей побуждают женщин совершать преступления. Далее, есть ряд преступлений, которые в основном совершают женщины, например убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ¹) – 100%, оставление в опасности (ст. 125 УК РФ) – 69%, умышленное заражение другого лица любой болезнью, относящейся к категории ВИЧ-инфекций (ч. 1 ст. 122 УК РФ), – 59%, убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) – 44%, истязания (ч. 2 ст. 117 УК РФ) – 32% (пытки и истязания применялись по отношению к детям и пожилым людям, т. е. заведомо по отношению к тем, кто не в состоянии оказать сопротивление) [17; 18].

Отдельного внимания заслуживают региональные данные о распространении преступности: стабильно высокий показатель женской преступности характерен для г. Москвы, Санкт-Петербурга и их областей (рис. 2) – с одной стороны, заметно снижение числа женщин, совершивших преступления, однако, по данным Генеральной прокуратуры, доля тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых женщинами, увеличивается. Наряду с мегаполисами, сложная криминогенная обстановка наблюдается в Свердловской и Челябинской областях [19; 20], где в 2020 году на 100 тыс. женщин пришлось 4700 и 4513 преступниц соответственно. В антирейтинг также входят Пермский край, Кемеровская область,

¹ Мурзина Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 21 с.

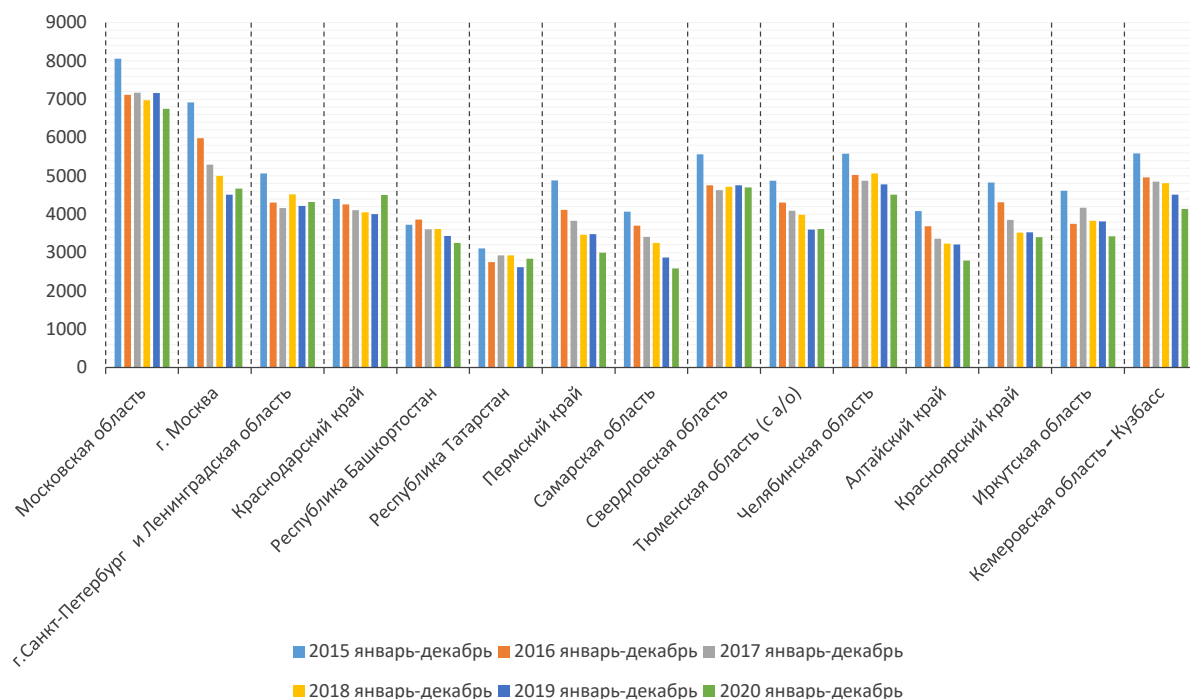

Рис. 2. Число женщин, совершивших преступления за 2015–2020 гг., по регионам России, чел.

Источник: данные ЕМИСС МВД России. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36209>

Иркутская область, Красноярский край, Тюменская область, Алтайский край, что доказывает взаимосвязь между преступным поведением и социальными факторами.

Социальные характеристики

По результатам анализа статистической отчетности в период с 2016 по 2019 год можно сделать вывод об обобщенном криминологическом портрете женщин, совершающих преступления. В основном это граждане Российской Федерации (97,7%), относящиеся к возрастной группе 30–49 лет (54,7%) и 25–29 лет (15,9%), имеющие среднее (полное) общее (34,0%) или среднее профессиональное (31,8%) образование, совершившие преступление единолично. Как следует из табл. 2, возрастная динамика свидетельствует о постепенном «старении» лиц женского пола, совершающих преступления.

Тем самым, принадлежность к возрастному диапазону 18–24 лет, а также низкий уровень образования или его отсутствие уже не являются значимой характеристикой женской преступности, однако в отношении занятости фундаментальных изменений

нет – чаще всего преступления совершают лица без постоянного источника дохода и безработные (см. табл. 2). Можно отметить, что учащиеся и студенты совершают меньше всего преступлений, поэтому для оптимизации такого фактора риска, как безработица, необходимо вовлекать девушек и женщин в образовательный процесс посредством популяризации образования, организации бесплатных тренингов и курсов, с последующей возможностью трудоустройства, особенно в регионах, в которых преобладает женская преступность.

Характеристика преступлений (рис. 3) позволяет сделать следующие выводы о характере преступлений, совершаемых женщинами: высока доля женщин в структуре преступлений, связанных с распространением наркотических средств (ст. 228–233 УК РФ), хотя наблюдается постепенное снижение числа лиц, причастных к данным преступлениям: с 19466 чел. в 2010 году до 13423 чел. в 2019 году. Употребление наркотических средств неизбежно связано с маргинальным поведением, в подобных условиях женщине практически невозможно вести законопослушный образ жизни.

Таблица 2. Социальные характеристики женской преступности (2016–2019 гг.)

Год	Возраст, лет	Образование	Занятость
2016	18–24 13,85%	Начальное и основное общее 36,11%	Без источников дохода 66,97%
	25–29 17,01%	Среднее полное 18,70%	Учащиеся и студенты 4,59%
	30–49 51,68%	Среднее профессиональное 31,89%	Служащие 5,10%
	50+ 13,69%	Высшее профессиональное 13,30%	Наемные работники 20,48%
2017	18–24 12,31%	Начальное и основное общее 35,18%	Без источников дохода 68,84%
	25–29 15,92%	Среднее полное 18,77%	Учащиеся и студенты 3,60%
	30–49 54,72%	Среднее профессиональное 32,96%	Служащие 4,85%
	50+ 14,22%	Высшее профессиональное 13,08%	Наемные работники 20,12%
2018	18–24 11,73%	Начальное и основное общее 34,23%	Без источников дохода 68,32%
	25–29 14,82%	Среднее полное 18,45%	Учащиеся и студенты 3,63%
	30–49 55,95%	Среднее профессиональное 33,65%	Служащие 4,78%
	50+ 14,67%	Высшее профессиональное 13,66%	Наемные работники 20,90%
2019	18–24 11,28%	Начальное и основное общее 33,15%	Без источников дохода 67,60%
	25–29 13,88%	Среднее полное 18,44%	Учащиеся и студенты 3,46%
	30–49 57,38%	Среднее профессиональное 34,21%	Служащие 5,68%
	50+ 14,76%	Высшее профессиональное 14,20%	Наемные работники 20,82%

Источник: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait

В структуре женской преступности преобладает кража (ст. 158 УК РФ), при этом грабежи (ст. 161 УК РФ) в основном совершают мужчины, что вполне объяснимо разницей в физической силе между мужчиной и женщиной. С 2015 по 2019 год количество лиц, совершающих кражи, практически не изменилось: 4982 чел. в 2015 году и 4250 чел. в 2019 году².

Несмотря на различие в физической силе, о которой было сказано выше, доля лиц жен-

ского пола, осужденных за убийство (ст. 105, 107, 108, 109, 111 ч. 4 УК РФ), остается высокой. На совершение подобных преступлений существенно влияет угнетенное психоэмоциональное состояние женщины, маргинальный образ жизни, пережитый опыт семейного насилия. В то же время для женской преступности не характерна ст. 131 УК РФ – изнасилование, насильственные действия сексуального характера.

² Яковлев Д.Ю. Криминологическая характеристика преступлений против жизни, совершаемых женщинами: учебн. пособие / Министерство науки и высшего образования РФ, Астраханский государственный университет. Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2019. 102 с.

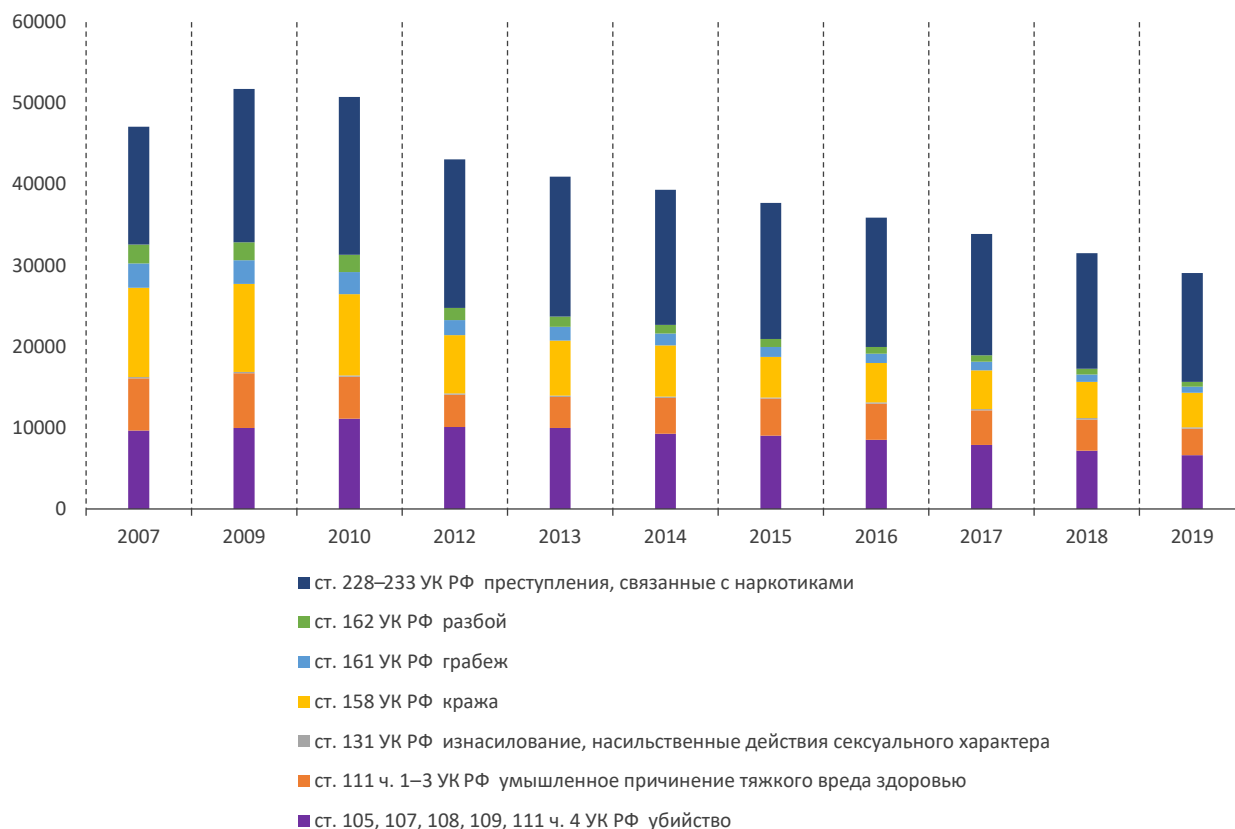

Рис. 3. Характеристика преступлений, за которые осуждены женщины (2007–2019 гг.)

Источник: Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний.

URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK>

Практически неизученной темой, о которой мы считаем нужным упомянуть, является рождение детей женщинами, находящимися в исправительных учреждениях.

Доля женщин от общей численности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях УИС, составляет 7,9%. Так, по итогам 2018 года в сравнении с 2017 годом их численность снизилась на 3,7% и составила 45688 человек (2017 год – 47467, 2016 год – 50733). Согласно статистическим данным в 2018 году под наблюдением в учреждениях УИС находились 1269 беременных женщин (2017 год – 1272, 2016 год – 1521). Численность женщин с детьми в возрасте до трех лет по состоянию на 1 января 2019 года составила 527 человек, в том числе в следственных изоляторах – 28, исправительных колониях – 480, колониях-поселениях – 19. В соответствии с частью 1 статьи 100 Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка. Всего в России 46 женских исправительных колоний, в 13 из них созданы условия для содержания осужденных с детьми – то есть детский дом при колонии. В России эти колонии расположены неравномерно, преимущественно до Урала. В 11 домах ребенка создано 219 мест для совместного проживания осужденных женщин и их детей (2016 год – 118)³.

Совместно со своими матерями в настоящее время проживают 193 ребенка. В 2018 году в дома ребенка УИС поступило 486 детей в возрасте до трех лет (2017 год – 531, 2016 год – 576), в том числе в возрасте до 1 года – 360 (2017 год – 413, 2016 год – 404). Предстоит исследовать, какой урон психоэмоциональ-

³ В Краснодаре открылось IV Всероссийское совещание начальников домов ребенка, созданных при женских исправительных учреждениях ФСИН России. URL: https://fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=460392&phrase_id=1427867

ному, физическому и интеллектуальному развитию наносится детям, которые либо все детство, либо его часть провели не с мамой. Это приводит к эмоциональной и сенсорной депривации, задержке физического и психического развития, расстройствам поведения. Невозможно отрицать тот факт, что дефицит теплого эмоционального общения с родителями, преимущественно с матерью, обуславливает отклонения в поведении ребенка.

Основные выводы

Выявлено, что, с одной стороны, наблюдается постепенное снижение числа преступлений и лиц, совершивших их, однако статистические данные свидетельствуют об увеличении числа женщин среди преступников, посягающих на жизнь. Если в 2005 году доля женщин составляла 13,2%, то к 2018 году этот показатель достиг 15,5%. Отмечено, что возраст женщин, чаще совершающих преступления (30–49 лет), свидетельствует о росте числа преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. На наш взгляд, это связано со снижением функции семьи как социального регулятора.

Несмотря на ярко выраженную дифференциацию числа преступников по гендерному принципу (преступников-мужчин гораздо больше, чем женщин), женская преступность, особенно рецидивная, крайне опасна, прежде всего неблагоприятными последствиями для самой женщины и еще большими трудностями в том случае, если у женщины есть дети (либо «на свободе», либо в детском доме при исправительном учреждении). Итак, специфика женской преступности обусловлена социально-демографическими и нравственно-психологическими признаками личности женщины, совершившей преступление.

Уменьшить число лиц, вовлеченных в женскую преступность, возможно с помощью мер профилактики. Однако основной недостаток профилактики в России – отсутствие системного подхода либо убеж-

дение, что наказание – мера предотвращения криминальных рецидивов. Выше мы говорили о значимости тех косвенных признаков, по которым правоохранительным органам можно распознать будущее тяжкое и особо тяжкое преступление. В этом контексте особое значение приобретают межведомственное взаимодействие, а также сотрудничество государственного и некоммерческого сектора, которое может быть оказано в виде неотложной психологической помощи, патронажа женщин, отбывших наказание, но нетрудоустроенных, формирования практик осознанного материнства и привязанности к ребенку, патронажа лиц с разными видами зависимости, помощи в трудоустройстве (особенно указанная мера актуальна для предотвращения рецидивов, т. к. после освобождения женщина столкнется с так называемой «стигмой» со стороны обществу, что скажется на попытке повторной социализации).

Перечислим общекриминологические, социально-криминологические и общесоциальные меры предупреждения женской преступности. Прежде всего, меры предупреждения не могут быть универсальными для всех и должны исходить из социальных условий, в которых находится женщина до совершения преступления. Но, как показывает практика, в таких условиях она находится не одна, а с семьей, поэтому к общесоциальным мерам можно отнести возможность трудоустройства. Следовательно, женщине необходима помощь в размещении ребенка в дошкольном учреждении, а также индексация размеров ежемесячного пособия по уходу за ребенком.

К мерам общекриминологического характера можно отнести ответственность за дискриминацию личности по гендерному признаку. Прежде всего, это факты семейного насилия, для предотвращения которых необходимы меры по возвращению ст. 116 в УК РФ и закрепление профилактики семейного насилия на законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунц Е.В. Исторический подход к проблеме женской преступности // Вестн. ОГУ. 2003. № 6. С. 57–59.
2. Ферри Э. Уголовная социология. СПб., 1910. 454 с.
3. Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. 267 с.
4. Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1866. 318 с.
5. Милль Дж.С. Система логики силлогической и индуктивной // Западноевропейская социология XIX века. Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: МУБиУ, 1996. С. 270–273.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 2, 6. М., 1955. 668 с.
7. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39–44.
8. Вебер М. Основные социологические понятия: Тексты // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: МУБиУ, 1996. С. 455–491.
9. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: МУБиУ, 1996. С. 191–255.
10. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / пер. с англ. Е.И. Замфир; под ред. М.М. Решетникова. Изд. 2-е. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа и Б&К., 2000. 318 с.
11. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М., 2002. 220 с.
12. Lindzey H. Social psychological theories: Adler, Fromm, Sullivan, Horney. In: *Theories of Personality*. New York – London, 1957.
13. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX века). М.: Зерцало-М, 2013. С. 241–270.
14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. 608 с.
15. Сергеевский Н.Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки // Юрид. вестн. 1879. № 12. С. 886–891.
16. Зюзов Н.Ф. Философия Питирима Сорокина. Сыктывкар: Эском, 2004. 315 с.
17. Телегина Е.Г. Насильственная преступность лиц женского пола: криминологический и виктимологический аспекты: монография / Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Новороссийске. М.: РУСАЙНС, 2017. 105 с.
18. Кудрявцев В.Н. Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов // Социалистическая законность. 1967. № 2. С. 48.
19. Леонтьева Е.И., Поповцева Э.М. Особенности женской преступности // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития: мат-лы всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Ухта, 2016. С. 211–215.
20. Чирская А.Ю. Криминологический анализ и характеристика женской преступности. Мотивы женской преступности // Гуманит. научн. иссл. 2016. № 7. URL: <http://human.snauka.ru/2016/07/15908> (дата обращения 15.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Наталья Александровна Безвербная – младший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: bezvad@mail.ru

Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A.

FEATURES AND TRENDS OF WOMEN'S CRIME IN RUSSIA

The problem of crime, including violent crime, has been studied quite fully in the criminological, criminal legal, and sociological sciences. Despite this, crimes committed by women, as an independent phenomenon, acquire special relevance and, as a result, arouse scientific interest. The purpose of the research is to study the current issues of women's crime in Russia through the interpretation of statistical data. The global trend, including for Russia, is a "great decline in crime", but women's crime is characterized by a sharp decline and a sharp rise. For instance, in 2003–2004, as well as in 2008–2011, there was a decrease in female crime. However, from 2011 to 2015, there was an increase in the absolute number and proportion of women in a total number of criminals. If the trend of the first decade of the 21st century can be explained by an "artificial" decline in indicators, which was the result of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (Federal Law no. 162-FZ "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation", dated December 8, 2003), then the trends of increasing share of women in a total number of criminals after 2011 should be interpreted in the context of society's socio-economic changes. Increased latency characterizes female crime. However, we think that such crimes can be prevented, for example, by providing a woman with assistance in finding employment, placing a child in preschool educational institutions, psychological aid, and assistance to previously convicted people in re-socialization.

Sociological study of crime, crimes committed by women, "female" crime structure, grave and the gravest crimes, destructive consequences.

REFERENCES

1. Kunts E.V. The historical approach to a problem of female criminality. *Vestnik OGU=Vestnik Orenburg State University*, 2003, no. 6, pp. 57–59 (in Russian).
2. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. St. Petersburg, 1910. 454 p.
3. Tarde G. *Sravnitel'naya prestupnost'* [Comparative Crime]. Moscow, 1907. 267 p.
4. Quetelet A. *Sotsial'naya sistema i zakony, yeyu upravlyayushchiye* [Social System and Laws Governing It]. St. Petersburg, 1866. 318 p.
5. Mill J.S. A System of Logic, Rationative and Indictiv. In: *Zapadnoyevropeyskaya sotsiologiya XIX veka. Teksty* [Western European Sociology of the 19th Century. Texts]. Ed. by Dobren'kov V.I. Moscow: MUBiU, 1996, pp. 270–273 (in Russian).
6. Marks C., Engels F. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 2, 6* [Complete Set of Works, vol. 2, 6]. Moscow, 1955. 668 p.
7. Durkheim E. Norm and pathology. *Sotsiologiya prestupnosti=Sociology of Crime*. Moscow, 1966, pp. 39–44 (in Russian).
8. Weber M. Basic sociological concepts: Texts. In: *Zapadno-yevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov* [Western European Sociology of the 19th – Early 20th Centuries]. Ed. by Dobren'kov V.I. Moscow: MUBiU, 1996, pp. 455–491 (in Russian).
9. Freud S. The psychopathology of everyday life. In: *Zapadno-yevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov. Teksty* [Western European Sociology of the 19th – Early 20th Centuries. Texts]. Ed. by Dobren'kov V.I. Moscow: MUBiU, 1996, pp. 191–255 (in Russian).
10. Horney K. *Nevroz i lichnostnyy rost. Bor'ba za samorealizatsiyu* [Neurosis and Human Growth. Struggle for Self-Realization]. Trans. from English by Zamfir E.I. Ed. by Reshetnikov M.M. 2nd Edit. St. Petersburg: Eastern European Institute of Psychanalysis and B&K, 2000. 318 p.
11. Adler A. *Ocherki po individual'noy psikhologii* [Essays on Individual Psychology]. Moscow, 2002. 220 p.
12. Lindzey H. Social psychological theories: Adler, Fromm, Sullivan, Horney. In: *Theories of personality*. New York – London, 1957.

13. Tomsinov V.A. *Yuridicheskoye obrazovaniye i yurisprudentsiya v Rossii v epokhu «velikikh reform» (60-ye – nachalo 80-kh gg. XIX veka)* [Legal Education and Jurisprudence in Russia in the Era of “Great Reforms” (60s – Early 80s of the 19th Century)]. Moscow: Zertsalo-M, 2013, pp. 241–270 (in Russian).
14. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey npravstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Morality]. St. Petersburg, 2000. 608 p.
15. Sergeevskii N.D. Crime and punishment as a subject of legal science. *Yuridicheskiy vestnik=Legal Bulletin*, 1879, no. 12, pp. 886–891 (in Russian).
16. Zyuzev N.F. *Filosofiya Pitirima Sorokina* [Philosophy of Pitirim Sorokin]. Syktyvkar: Eskom, 2004. 315 p.
17. Telegina E.G. *Nasil'stvennaya prestupnost' lits zhenskogo pola: kriminologicheskii i viktimologicheskii aspekty: monografiya* [Female's Violent Crime: Criminological and Victimological Aspects: Monograph]. Branch of FSBEI of Higher Education “Kuban State University” in Novorossiysk. Moscow: RUSAINS, 2017. 105 p.
18. Kudryavtsev V.N. Social conditioning of criminal behavior and the role of biological factors. *Sotsialisticheskaya zakonnost'=Socialist Legality*, 1967, no. 2, pp. 48 (in Russian).
19. Lent'eva E.I., Popovtseva E.M. Features of female crime. *Nauka, obrazovaniye i dukhovnost' v kontekste kontseptsiy ustoychivogo razvitiya=Science, Education and Spirituality in the Context of Sustainable Development Concepts*, 2016, pp. 211–215 (in Russian).
20. Chirskaya A.Yu. Criminological analysis and characteristics of female crime. The explanation for female crime. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya=Humanities Scientific Researches*, 2016, no. 7. Available at: <http://human.snauka.ru/2016/07/15908> (Accessed January, 15, 2021; in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director for Science, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Natal'ya A. Bezverbnaya – Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: bezvad@mail.ru